

Корсаков К.В. Криминологический и уголовно-правовой анализ современной организованной преступности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 3. С. 67–84.

УДК 343.97:343.85

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.3.6784

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ¹

Константин Викторович Корсаков

кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела права
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: korsakovekb@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5136-562X

Материал поступил в редколлегию 27.01.2017 г.

Материал посвящен разносторонней юридической и криминологической характеристике современной организованной преступности как одного из наиболее общественно опасных и деструктивных явлений современности. Автор статьи приводит сведения об истории развития организованной преступности в России, основных признаках и качественно-количественных параметрах современной организованной преступности, последних изменениях ее уровня, динамики, структуры, латентности, а также указывает преобладающие в настоящее время причины, условия и предпосылки распространения организованной преступности. В статье описаны типовые черты и отличительные признаки современных организованных преступных

¹ Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта ИФП УрО РАН № 15-19-6-6 «Трансформация морально-политических и правовых регуляторов современного общества: взаимодействие национального и глобального пространств».

групп и криминальных сообществ (преступных организаций). В работе также выделены и подробно охарактеризованы специфические особенности, наиболее разрушительные тенденции и перспективы развития организованной преступности на современном этапе: нацеленность на внедрение представителей организованных преступных объединений в органы государственной власти, правоохранительные и контрольно-надзорные структуры, дальнейшее расширение коррупционных связей и системы подкупа должностных лиц, установление контроля за экономической деятельностью крупных отечественных предприятий, передел собственности, выход на транснациональный уровень и захват чужого бизнеса посредством рейдерства. Автор аргументирует необходимость воссоздания в Российской Федерации специализированных подразделений по борьбе с организованной преступностью в структуре органов внутренних дел.

Ключевые слова: организованная преступность, мафия, предупреждение преступного поведения, транснациональная преступность, деятельность правоохранительных органов, причины и условия преступности, динамика преступности в России, тенденции развития преступности, борьба с преступностью.

Организованная преступность как наиболее опасное проявление криминально-криминогенного фактора обладает тысячелетней историей существования. Современные ученые нередко в монографических и диссертационных исследованиях предпринимают попытки установить момент ее первоначального появления. При этом авторы указывают на упоминания в Записках о Галльской войне (50-е гг. до н.э.) Гая Юлия Цезаря о не подчинявшихся каким-либо политическим властям вооруженных и слаженно действующих бандах разбойников, для борьбы с которыми в Древнем Риме часто использовались отряды вооруженного ополчения, состоящего из непрофессиональных воинов, – милиция (от лат. «mille» – тысяча), а в работах, касающихся истории данного явления в России, описывают орудовавшие во времена раннего Средневековья никому не подконтрольные шайки и ватаги ушкуйников [Барбашина 2015: 11-12].

Думается, что все эти попытки заведомо неубедительны, поскольку еще на самых ранних этапах социогенеза и антропогенеза пращуров современных людей начали действовать сообща – коллективно, командно и организовано – не только в быту, в хозяйстве и на охоте, но и во время грабительских походов, разбойных набегов и других недружественных акций, предпринимаемых в отношении и своих ближайших соседей, и чужеземцев. Например, такое системно совершаемое вооруженными организованными криминальными группами преступление, как пиратство, о распространении которого среди древних финикийцев, персов, хеттов и филистимлян хорошо известно из курса истории Древнего мира, появилось одновременно с началом передвижения людей по морю.

Уровень и степень организованности подобных коллективов в каждой из последовательно сменявших друг друга исторических эпох находились в соответствии с их наличным бытием, социальной действительностью, сознанием и мышлением людей, но они неуклонно возрастали по мере интеллектуального развития человека и движения общественного прогресса,

постепенно достигнув современных нам, заключающих большую угрозу безопасности всего мирового сообщества, пределов.

В России организованная преступность как самостоятельное явление криминального мира обратила на себя пристальное внимание правоведов, социологов и государственных деятелей лишь в конце XIX в. [Терешенок, Подлесских 1995: 7-8; Олейник 2001: 11]. Социальные потрясения, сдвиги и катаклизмы первой четверти XX столетия (кризис самодержавия, Первая мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война и диктатура большевиков, репрессии, коллективизация и раскулачивание, приведшие к резкой нехватке продовольствия, «голодоморам», скоплению большого количества людей в учреждениях системы ГУЛАГ, резкому росту числа увечных, попрошаек, бродяг, переселенцев, людей, лишившихся крова, сирот и беспризорников, о жизни которых в то тяжелое время написана отчасти автобиографическая повесть Г.Г. Белых и А.И. Еремеева (Л. Пантелеева) «Республика ШКИД») значительно способствовали увеличению ее интенсивности и масштабов [Анисимков 1998: 5-6], однако свой повсеместный и массовый характер организованная преступность приобрела в нашей стране только в середине 70-х гг. XX в., когда резко увеличилось количество должностных преступлений и фактов коррупции, а также преступлений в экономической (хозяйственной) сфере (групповая криминальная деятельность различных расхитителей социалистической собственности, спекулянтов и мошенников, контрабандистов, «фарцовщиков», «цеховиков» и т.д.) [Гуров 1995: 17].

Наибольший прирост доли организованной преступности в общей структуре российской преступности был зафиксирован специалистами в области уголовной статистики в конце 80-х гг. прошлого столетия, когда началось кооперативное движение [Осипкин 1998: 10]; именно в этот период получило распространение такое – уже многими сегодня подзабытое – криминальное явление, как рэкет.

Во многом организованная преступность в поздний советский период представляла собой результат чрезмерной бюрократизации управленческого аппарата, «застойных» явлений в экономической и социально-политической жизни, тотального дефицита товаров, увеличения нелегального («теневого») сектора в народном хозяйстве, криминализации и «перерождения» партийной номенклатуры, особенно в национальных – «окраинных» – республиках, что со всей наглядностью продемонстрировали результаты работы следственных бригад и комиссий Прокуратуры СССР, в состав которых входили Т.Х. Гдлян, Н.В. Иванов, В.И. Илюхин, Ю.М. Лучинский, В.И. Олейник и другие известные юристы.

Решительным препятствованием усугублению сложившейся ситуации, началом ее оперативного решения эффективными и жесткими методами явилась деятельность незаурядных руководителей правоохранительных органов Союза ССР А.В. Власова, В.В. Федорчука, С.К. Цвигуна по усилению институтов и механизмов народного и государственно-партийного контроля [Федорчук 1984: 28-29], не получившая, к сожалению, своего закрепления и дальнейшего должного продолжения.

Следует заметить, что в настоящий период формы, способы и приемы, некогда внедрявшиеся в правоприменительную практику генералом армии В.В. Федорчуком (1918–2008), занимавшим посты председателя КГБ СССР и министра внутренних дел СССР, относятся к передовому опыту многих западных правоохранительных органов и спецслужб, в частности в США, Германии, Великобритании и Канаде (разветвленная агентская сеть, вербовка представителей организованной преступности, разоблачение преступных сообществ и дискредитация их лидеров в глазах других преступников, контролируемые поставки и проверочные закупки, институт платных осведомителей, распространенное оперативное внедрение и т.д.) [Currie 2013: 82-85; Rawls 1991: 324-327].

Характерная особенность любой организованной преступности заключается в том, что она представляет собой такое негативное явление, которое наиболее емко отражает общественно-политические и социально-экономические процессы, происходящие в меняющемся обществе. На это обращал внимание еще в начале XX в. французский юрист и криминолог Ж. Ван-Кан [Ван-Кан 1915: 221]. Неслучайно ее всплески и гиперактивность наблюдаются именно в периоды политических кризисов, масштабных войн, глобальных социальных потрясений либо резкой смены экономических формаций.

В настоящее время в России объективная оценка коэффициента и динамики организованной преступности, равно как и других качественно-количественных параметров, представляется весьма затруднительной ввиду высокого уровня ее латентности. Многие отечественные ученые-криминологи определяют латентную часть российской организованной преступности как в три, а то и в четыре раза большую, нежели по оценкам специалистов аналитических и статистических служб российских правоохранительных структур. Согласно их данным, около 55% от всех экономических преступлений, которые сегодня совершаются организованными преступными сообществами, не регистрируются и не расследуются вследствие попустительства либо коррупционного подкупа должностных лиц правоохранительных органов [Долгова 2011: 19].

В первую очередь столь высокий уровень латентности объясняется низкими показателями раскрываемости совершенных организованными криминальными объединениями преступлений и высокой степенью конспиративности и замаскированности криминальной деятельности организованных преступных формирований.

К маркерам современной нам организованной преступности – ее отличительным качествам, которые одновременно являются ее признаками и показателями, – относятся наличие большого количества организованных преступных структур, которые занимаются криминальным промыслом на длительной и постоянной основе, перманентный процесс возникновения новых организованных преступных объединений, а также постоянная фиксация и отражение в источниках уголовной статистики преступных деяний, совершенных организованными преступными формированиями.

В отечественной криминологической литературе давно устоялось разделяемое нами определение организованной преступности как «...особой формы преступности, для которой характерна устойчивая криминальная деятельность, осуществляемая преступными организациями, имеющими иерархическую структуру, материальную и финансовую базу и связи с государственными структурами, основанные на коррупционных механизмах» [Гаухман, Максимов 1997: 11].

Интересно то обстоятельство, что принятый еще в 1968 г. и до сих пор действующий в США «Закон о контроле над преступностью и безопасностью на улицах» (*Omnibus Crime Control and Safe Streets Act*) определяет организованную преступность иначе, нежели российская криминологическая доктрина, а именно как «...противозаконную деятельность членов высокоорганизованной и дисциплинированной ассоциации, которая занимается предоставлением запрещенных законом услуг, включая использование азартных игр, проституцию, кредитование, распространение наркотических средств и иную противоправную деятельность подобного рода» [Neier 1976: 71].

Безусловно, любая организованная криминальная деятельность подразумевает совершение преступных посягательств в соучастии, в группе, однако далеко не каждое групповое преступление и не всякая преступная группа могут быть определены как организованные. Мы полагаем, что преступная группа может быть охарактеризована как организованная, только если она обладает следующим набором признаков: целенаправленностью и повышенной общественной опасностью действий, устойчивостью, наличием внутренней структуры (структурированностью), специфичностью приемов и методов преступной деятельности.

Очевидно, что степень организованности преступных объединений может быть различной. В зависимости от этого параметра в российском уголовном праве и науке криминологии все организованные преступные формирования делятся на две основные категории: организованные группы и преступные сообщества (преступные организации).

Организованные преступные группы представляют собой устойчивые объединения двух и более преступников, которые специально создаются для совершения различных преступлений, как правило тождественных (одних и тех же) или однородных (однотипных) [Грошев 2004: 26-27; Мордовец 2001: 41-42]. Чаще всего участники подобных групп обладают специальными познаниями, профессиональным опытом, навыками и умениями преступной деятельности, которая носит не фрагментарно-стохастический, а постоянный характер и является для них основным источником дохода. Именно такие криминальные группы образуют сегодня в России низовые и первичные ячейки организованной преступности.

Преступные сообщества (или преступные организации) – это наиболее общественно опасная разновидность организованных криминальных формирований, которая включает в себя сплоченные, структурированные и ставящие своими целями совершение исключительно тяжких и особо тяжких преступлений организованные группы со сложной, ступенчатой

системой управления, а также объединения (союзы) устойчивых организованных групп с единым для них руководящим ядром (центром).

Специфическим видом организованного преступного формирования является банда – устойчивая группа, созданная в целях нападения на граждан либо организации и отличающаяся от остальных разновидностей преступных объединений признаком вооруженности. С юридической точки зрения этот признак предполагает наличие хотя бы у одного из членов банды оружия при осведомленности об этом факте всех остальных участников банды.

Отличительными чертами современных организованных преступных сообществ выступают подпольный характер и тщательное планирование криминальной деятельности, высокий уровень обеспечения, конспирации и их самозащиты от уголовного преследования, иерархичность структуры, наличие коррупционных связей во властных структурах, масштабность и многоплановость криминальной активности, стремление монополизировать отдельные сферы оказания запрещенных услуг (проституция, игорный бизнес, сбыт наркотиков и т.д.), нацеленность на постоянное расширение географии своей преступной деятельности, принятие и поддержание особых, принятых в криминальной и околокриминальной среде правил поведения – «понятий», формирование общих денежных фондов – «общака» и контроль за расходованием взятых из них финансовых средств, строгое распределение ролей и обязанностей участников таких объединений и их подчинение лидерам и авторитетам – «смотрящим», «положенцам», «ворам в законе» и др., функционирование специально создающегося арбитража – «третейского суда» для решения всех споров, оказание содействия и взаимной помощи друг другу.

Такие криминальные объединения могут насчитывать от нескольких десятков членов до нескольких сотен участников, как, например, широко известное в России и за рубежом Солнцевское преступное сообщество, названное по месту его появления – г. Солнцево, ныне являющемуся муниципальным районом в Западном административном округе г. Москвы [Козаченко, Корсаков 2011: 161].

Как правило, чем больше число членов преступного организованного формирования, тем меньше его сплоченность и спаянность, однако выше криминальная активность, социальная опасность, масштабы преступной деятельности и криминальная мобильность.

Не следует упускать из внимания, что не только в обыденной жизни, но и в стенах российских пенитенциарных заведений в настоящее время действуют сотни организованных преступных групп [Кузьмичев 2008: 19]. Их наличие там с закономерностью превращает отечественные уголовно-исправительные учреждения в центры по возвращению и подготовке профессиональных и закоренелых преступников, уголовников-рецидивистов, деятельность которых носит ярко выраженный антиобщественный и идеолого-антагонистический характер (не зря места лишения свободы еще в прошлом веке получили у нас в стране наименование «криминальных университетов и академий»).

В Российской Федерации по степени распространенности и засилья организованной преступности в настоящее время лидируют: г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург, Дальний Восток, Забайкалье, Средний и Южный Урал, Западная Сибирь, Северный Кавказ и Среднее Поволжье [Корсаков 2015: 20].

Организованные преступные сообщества, отличающиеся от других объединений длительностью своего существования, устойчивостью, высокой степенью конспирации, вооруженностью, широким составом активных участников, часто называют мафией. (Принято считать, что слово «мафия» – акроним, оно происходит от начальных букв знаменитого итальянского революционного лозунга времен антифранцузского восстания 1282 г.: «Morte alla Francia, Italia anela!» – «Смерть Франции, вздохни, Италия!» [Neier 1976: 239]. На сицилианском диалекте итальянского языка слово «мафия» означает «высокомерие», «снобизм», «чванство».)

Такие криминальные сообщества, как, например, американская мафиозная организация «Коза Ностра» («Наше дело»), передислоцированная в США эмигрантами из Италии, часто практикуют в своей преступной деятельности гангстерские, бандитские методы (убийства, шантаж, вымогательство, похищения людей (киднепинг), жестокие расправы над ренегатами и лицами, которые нарушили предписания «омерты» – внутреннего кодекса, закрепляющего круговую поруку и обязанность молчания), оказывают большое давление на бизнесменов, политических и общественных деятелей, совершают рейдерские захваты чужого бизнеса [Moynihan 1993: 19-20; Lippens 2010: 17].

Следует отметить, что сегодня на международном уровне ранее широко представленные итальянские мафиозные организации – «Коза Ностра» (о. Сицилия), «Каморра» (Кампания), «Ндрангета» (Калабрия), «Сакра Корона Унита» (Апулия), «Банда делла Мальяна» (Лацио, о. Сардиния), «Мала дел Брента» (Венето, Фриули-Венеция-Джулия), «Ла Стидда» (о. Сицилия), «Общество Онорты» (Калабрия) и «Базилиши» (Базиликата) – утратили пальму первенства, уступив первый план латиноамериканским (мексиканским, бразильским, колумбийским и др.), восточноевропейским (албанским, боснийским, российским и др.) и многочисленным китайским, в частности гонконгским и тайваньским, организованным преступным сообществам, которые в США носят название «тонги» [McCloskey 1965: 253; Frey 1984: 31].

В общей структуре преступных посягательств, совершаемых в наши дни именно мафиозными транснациональными объединениями, преобладают производство в промышленных объемах и распространение наркотиков, которые обеспечивают поступление более половины всех их криминальных доходов, контрабанда товаров, торговля оружием, в том числе ядерным [Лунеев 2005: 247], и людьми [Бриллиантов 2005: 48]. Ежегодные доходы от организованной преступной деятельности в мире оцениваются примерно в 400 миллиардов долларов США [Johnson, Toch 2015: 97].

В настоящее время в зависимости от этнического состава участников организованных преступных групп выделяются смешанные, состоящие из представителей многих народов и национальностей, и однородные

преступные сообщества (например, к их числу в России относятся курдско-езидские, ассирийские, вьетнамские, китайские, чеченские, азербайджанские, цыганские и иные преступные группировки). Актуальность данной градации обусловлена тем, что в текущий момент моноэтнические организованные преступные группировки составляют около 70% от числа всех организованных криминальных формирований [Ростокинский 2011: 244].

В среде авторитетов и лидеров этих криминальных объединений преобладают, выражаясь сухим, «казенно-протокольным» языком, «лица неславянской национальности»: так, например, из 499 действующих сейчас в России так называемых воров в законе 258 (то есть больше половины) – грузины, в том числе отдельно учитываемые в некоторых источниках сваны и мегрелы (представители картвельских народностей); 30 – армяне; 26 – езиды (немногочисленная этноконфессиональная группа курдов, некоторые представители которой считают себя отдельным этносом; среди езидских воров наиболее известны Аслан Усоян (кличка «Дед Хасан», 1937–2013), Темури Мирзоев («Тимур Свердловский», 1957–2014) и Захарий Калашов («Шакро Молодой»)); 14 – азербайджанцы (здесь учитываются также и талыши – представители иранского этноса, проживающие в Азербайджане; наиболее известен среди них Ровшан Джаниев («Ровшан Ленкоранский», 1975–2016); русских же среди них – только 12% [Барбашина 2015: 82].

Во время существования советского государства в сообществе воров в законе и в организованных преступных объединениях культивировались принципы и идеи аполитичности, общности целей и интересов, солидарности и интернационализма [Елеськин 2001: 36]. Распад Советского Союза, обострение межнациональных противоречий и череда межэтнических столкновений и конфликтов в Средней Азии, в кавказском и закавказском регионах изменили ситуацию: они привели не только к формированию замкнутых этнических криминальных диаспор и широкой практике сплачивания преступников исключительно по национальному признаку, но и к подчеркнуто враждебному, недоброжелательному отношению одних этнических преступных организаций к другим (в частности, осетинских преступных формирований и абхазского (сухумского) преступного сообщества – к грузинским, азербайджанских организованных преступных группировок – к армянским и т.д.).

В ходе длительного мониторинга нами была выявлена специализация организованных криминальных структур, сформированных по этническому признаку и действующих сегодня на территории Российской Федерации. Так, вайнахские, то есть чеченские (в г. Москве к ним относятся Центральная, Лазанская, Останкинская, Южнопортовая и др.) и ингушские, и дагестанские, в частности аварские, даргинские, лезгинские и многие другие, преступные группировки чаще всего задействованы в сферах незаконного оборота спирта, драгоценных металлов, легализации (отмывания) денежных средств, добытых преступным путем, реализации похищенных («угнанных») автомобилей, вексельно-чекового обращения и подделки денежных знаков; картвельские, или грузинские, сообщества преимущественно занимаются незаконным оборотом оружия и боеприпасов, а также

похищением людей и захватом заложников (аманатов), армянские – изготовлением и сбытом поддельных печатей, штампов и бланков, преступлениями в области оборота ценных бумаг, золотовалютных операций и фальшивомонетничеством; азербайджанские криминальные сообщества, как правило, действуют в сфере незаконного оборота спиртных напитков, в области розничной и оптовой торговли на продуктовых рынках и продовольственных базах, а среднеазиатские, то есть таджикские, киргизские, узбекские и цыганские, организованные преступные формирования наиболее часто занимаются изготовлением, перевозкой, хранением и сбытом наркотических средств растительного происхождения.

Подчеркнем, что организованные криминальные формирования нередко называются по месту их образования либо жительства большинства их участников. Так в г. Москве и Подмоскovie появились Ореховская, Перовская, Люберецкая, Коптевская, Подольская, Измайловская, Медведковская, Гольяновская, Балашихинская и считающаяся самой массовой в России (свыше 1500 активных участников и около 1000 единиц огнестрельного оружия) [Шеслер 2006: 19] Солнцевская преступные организации, в г. Казани – «Жилка» (от названия казанского микрорайона «Жилплощадка») и «Хади Такташ» (от наименования улицы, названной в честь татарского поэта Х.Х. Такташа (1900–1931)), в г. Екатеринбурге (тогда еще Свердловске) – основанное в 1989 г. братьями Константином и Григорием Цыгановыми Уралмашевское организованное преступное сообщество (от названия части Орджоникидзевского района – жилого микрорайона «Уралмаш»).

Помимо увеличения масштабов криминальных правонарушений, повышения уровня и степени их вредоносности опасность организованной преступности заключается в постоянном вовлечении в антиобщественную деятельности новых участников – вербовке и массовом рекрутировании представителей молодого поколения. В частности, подростковые организованные преступные группы («моталки») приобрели в 1990-е гг. в г. Казани настолько большой размах и распространенность, что многие жители этого крупного российского мегаполиса были вынуждены платить преступным лидерам некое «отступное», дабы те избавили их детей и внуков от своего опасного влияния.

Сегодня ученые-криминологи и эксперты отмечают усиление обозначившегося еще на рубеже XIX–XX вв. стремления организованных преступных сообществ проникнуть и закрепиться на политическом олимпе, воздействовать на процесс принятия властных и управленческих решений, чему способствуют значительное распространение в нашей стране коррупции, тотальный подкуп и принятие чиновников в состав преступных образований в качестве их активных участников и так называемых групп прикрытия [Бойцов, Гонтарь 2000: 36]. Особенно опасно то, что преобладающей в структуре должностных лиц, входящих в состав организованных преступных сообществ, является доля служащих правоохранительных органов – «оборотней в погонах» – и работников муниципальных органов власти.

В наши дни в России на оплату незаконных действий или же преступного бездействия российских коррумпированных представителей власти

(тотальный подкуп) криминальные организации ежегодно тратят почти 1/3 часть от всех своих незаконных доходов; большее количество денег расходуется ими лишь на личную охрану главарей, отдых, развлечения и различные предметы роскоши – автомобили, особняки, яхты и т.д. [Волконский 2014: 102; Николенко 2011: 25].

Российские организованные преступные сообщества продолжают внедрять своих ставленников и представителей в правоохранные структуры, всячески поддерживать и стимулировать сотрудничающих с ними «оборотней в погонах» и взяточников, совершать хищения в особо крупных размерах и «отмывать» (легализовывать) деньги, добытые противозаконным путем, осуществляя сложные схемы взаиморасчетов, кредитно-банковских финансовых операций и сделок, а также уклоняться от налогообложения, получая значительные неучтенные денежные средства от обширной сети торговых точек и приобретая с помощью все тех же коррумпированных должностных лиц необоснованные преимущества и льготы для своих коммерческих предприятий и фирм. Схожая картина наблюдается экспертами-криминологами из стран Западной Европы, Канады и США [Erikson 2005: 141; Stanley 2015: 34].

Не ослабевают попытки со стороны организованной преступности устоять свой финансовый контроль за хозяйственной деятельностью стратегических, оборонных и градообразующих предприятий нашей страны, крупными транспортными артериями и торговыми сетями [Мондохонов 2003: 52]. При этом ее представители часто принимают непосредственное участие в переделе активов, собственности, в корпоративных и акционерных спорах, используют возможности процедуры банкротства, методы давления на собственников и наемных руководителей предприятий и введения в состав учредителей и правления юридических лиц своих аффилиатов.

Другая выявленная нами современная, тревожная и крайне негативная, тенденция заключается в том, что степень самозащиты членов российских организованных преступных сообществ повышается за счет использования новых, крайне скрытых и завуалированных приемов и способов деятельности, ее всевозможного прикрытия, налаживания прочных коррупционных связей, вмешательства и активного воздействия на ход расследования совершенных ими преступных посягательств.

Многие отечественные криминологи и социологи говорят о широком использовании в организованной криминальной деятельности современных прогрессирующих общественных проблем, «социальных язв» и перверсий, тесно связанных с преступностью негативных «фоновых» явлений – безработицы, низкой оплаты труда, вынужденной трудовой миграции, незанятости большей части русской молодежи, бродяжничества, попрошайничества, экстремизма и радикализма в политических взглядах, межнациональных и религиозных противоречий, наркомании, токсикомании, алкоголизма и проституции [Сулейманов 2009: 148].

За последние десять лет в России резко возрос уровень контрабандного ввоза из Афганистана (площадь посевов опиумного мака в этом государстве в 2014 г. превысила отметку в 200 000 гектаров), Пакистана, Узбекистана

и Таджикистана героина, маковой соломки и других наркотиков-опиатов [Репецкая 2015: 247], доходы от продажи которых часто вкладываются организованными преступными сообществами как в теневую, так и в легальный секторы экономики страны.

Сверхдоходность данного криминального промысла (совокупная прибыль, получаемая преступниками от оборота наркотических средств во всем мире, составляет сейчас более одного триллиона долларов США, что превосходит доходы на мировом рынке оружия и уступает лишь прибыли от торговли сырьем – нефтью, газом, металлом, углем, древесиной [Weyland 1998: 8; Christie 1997: 17]) привела к его скорой постановке еще в 90-е гг. XX столетия под полный контроль организованной преступности.

В настоящее время почти весь рынок контрабандно завозимых в наше государство наркотических средств как растительного, так и синтетического и полусинтетического происхождения («Белый китаец», крэг, ЛСД, МДМА («экстази»), JWH-018 и др.), а также пользующихся спросом психотропных веществ контролируется представителями организованной преступности.

Вторым по значимости для организованных преступных сообществ и бурно развивающимся сегодня во многих странах мира криминальным бизнесом является торговля людьми («гомотрафик»). Согласно валидным данным проводившегося на международном уровне исследования Российская Федерация наряду с Украиной и Нигерией входит в тройку мировых лидеров по данному виду преступной деятельности [Покаместов 2012: 75].

Сегодня внимание исследователей привлекают такие процессы, как существенное внутривидовое усложнение организованных преступных формаций, рост количества преступлений, совершаемых ими с использованием новых информационных технологий и инновационных технических разработок, а также усиление международной, транснациональной составляющей в системе организованной преступности.

Например, в настоящее время в России отмечаются проникновение на территорию страны и интеграция, сращивание с российской организованной преступностью китайских организованных преступных формирований, часто именуемых триадами (в самом Китае они преимущественно базируются в юго-восточной части этой страны, в автономном регионе Макао, на острове-государстве Тайвань и в многомиллионном г. Гонконге, где размещаются штаб-квартиры и разветвленная сеть филиалов таких наиболее известных китайских триад, как «Сунъион», «Во Он Лок», «14К» и «Во Хоп Ту»; в совокупности они насчитывают более 120 000 участников [Zamble, Porporino 2008: 102]).

Помимо общих причин и условий, характерных для всей преступности в целом, организованная преступность обуславливается и детерминируется своими специфическими факторами и предпосылками. Большинство из них имеет связь с негативными социальными изменениями, например такими, как обеднение, пауперизация и маргинализация населения страны. Этот аспект организованной преступности был выявлен и подробно описан еще в работах 20–30-х гг. XIX в. известного американского исследователя М. Шлаппа [Shlapp, Smith 1928: 142].

Отечественными криминологами некогда было подсчитано, что если увеличение безработицы на 1-2% вызывает прирост преступности на 4-5%, то в отношении организованной преступности этот прирост составляет уже 6-7% [Мохов 2006: 157]. Данная закономерность, на наш взгляд, объясняется во многом тем, что преступная деятельность людей, в одночасье массово лишившихся работы на предприятиях и в учреждениях, где они прежде трудились, и держащихся вместе, объединяющихся ввиду этой общей для них проблемы, приобретает не стихийный и фрагментарный, а групповой, коллективный и организованный характер. Она направлена на совершение имущественных общеуголовных преступлений (кражи, грабежи, разбои, браконьерство, сбыт поддельных денежных знаков, вымогательство, бандитизм) и становится регулярной, хронической из-за необходимости постоянного получения средств к существованию.

К тому же добавим, что деклассированные, люмпенизированные и маргинализованные классы и прослойки общества гораздо легче и чаще вовлекаются организаторами преступлений в противозаконную деятельность, нежели остальные социальные слои.

Отсутствие развитых, ресурсно обеспеченных и эффективно работающих институтов ресоциализации и социальной адаптации бывших заключенных, очевидные изъяны в данной сфере государственной политики приводят к тому, что организованные преступные сообщества пополняются лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы и не нашедшими себе достойного места в обществе, а также не востребованными техническими и иными специалистами, обладающими знаниями и умениями, необходимыми для целого ряда видов преступной деятельности, спортсменами, уволенными со службы или ушедшими в отставку бывшими военнослужащими и испытывающими трудности в трудоустройстве и самореализации бывшими сотрудниками правоохранительных ведомств [Bondenson 2013: 206].

В наши дни в России многие действующие сотрудники внутренних дел по-прежнему участвуют в охране зданий, помещений и иного имущества различных коммерческих организаций, что на практике нередко ведет к установлению неформальных отношений и криминальных связей с организованными преступными объединениями, представители которых выступают учредителями или же «курируют» деятельность этих предприятий. Также вызывает тревогу, что членство в организованных преступных группировках и экстремистских сообществах по-прежнему оказывается привлекательным для молодых людей, живущих в России и испытывающих нравственный и духовно-ценностный кризис, выражающих социальный протест либо просто стремящихся к скорому обогащению любыми средствами и ценой, нередко исповедующих ложные, навязанные им жизненные принципы и идеалы.

Благодатной и питательной почвой для воспроизводства и развития организованной преступности является довольно большой криминогенный потенциал населения нашей страны: на сегодняшний момент в Российской Федерации большое число граждан, живших еще в Советском Союзе, по-

бывали в местах заключения: колониях, тюрьмах и СИЗО, закрепив в своем поведении целый ряд нормативов, поведенческих стандартов, ментальных схем и иных элементов тюремной субкультуры, в частности отрицание и осуждение любой помощи или же содействия правоохранительным органам государства. У немалой части этих людей отсутствует крайне необходимое гражданскому обществу протестное и непримиримое отношение абсолютно к любой незаконной деятельности со стороны преступных элементов.

Одной из предпосылок распространения организованной преступности в России явилось значительное ослабление существовавшей ранее системы противоборства данной разновидности преступности, апогеем которого явилась ликвидация в 2008 г. всех специализированных подразделений МВД России по борьбе с организованной преступностью (за историю своего недолгого существования они обозначались аббревиатурами РУОП, УБОП, РУБОП, ОРБ) с передачей их функционала отделениям уголовного розыска и УЭБиПК (подразделениям экономической безопасности и противодействия коррупции) МВД России.

На наш взгляд, данная поспешная ликвидация была преждевременной и привела к отрицательному эффекту. Поэтому мы предлагаем воссоздать отдельные подразделения российской полиции по борьбе с организованной преступностью. Достаточно вспомнить, что только в 2006 г., за два года до роспуска, на Дальнем Востоке сотрудниками УБОПа было ликвидировано одно из наиболее крупных, массовых, опасных и дерзких организованных преступных сообществ последнего десятилетия – «Общак», которое имело обширную сеть региональных «филиалов» с центром в г. Комсомольске-на-Амуре. При этом выражаем свои опасения, что сохраняющаяся высокая степень коррумпированности и бюрократизации всей отечественной системы правоохранительных органов будет сглаживать и нивелировать успехи и усилия этой воссозданной специализированной структуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анисимков В.М. 1998. Тюрьма и ее законы. Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права. 103 с.
- Барбашина Н.Л. 2015. Организованная преступность и бандитизм в странах СНГ. Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та. 208 с.
- Бойцов Л.Н., Гонтарь И.Я. 2000. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: иллюзии, реальность и возможная альтернатива // Государство и право. № 11. С. 35-43.
- Бриллиантов А.В. 2005. Организация незаконной миграции // Рос. следователь. № 5. С. 48-50.
- Ван-Кан Ж. 1915. Экономические факторы преступности. М. : Изд-во Г.А. Леман. 336 с.
- Волконский В.И. 2014. Борьба с организованной преступностью в экономической сфере. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та. 215 с.
- Гаухман Л.Д., Максимов С.В. 1997. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). М. : ЮрИнфоР. 127 с.

Грошев А.В. 2004. Ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации): вопросы криминализации и правоприменения // Уголовное право. № 3. С. 26-28.

Гуров А.И. 1995. Красная мафия. М. : Вестник. 352 с.

Долгова А.И. 2011. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М. : Рос. криминолог. ассоциация. 668 с.

Елеськин М.В. 2001. О преступном сообществе «воров в законе» (криминологическая характеристика личности «вора в законе» и преступного сообщества «воров в законе») // Следователь. № 5. С. 35-41.

Козаченко И.Я., Корсаков К.В. 2011. Криминология. М. : Норма, Инфра-М. 304 с.

Корсаков К.В. 2015. Адекватность и соразмерность превенции – залог эффективности борьбы с современной организованной преступностью // Правоохранительные органы: теория и практика. № 1. С. 19-22.

Кузьмичев А.Г. 2008. Проблемы расследования преступлений, совершенных молодежными организованными группировками // Следователь. № 11. С. 19-23.

Лунеев В.В. 2005. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М. : Волтерс Клувер. 912 с.

Мондохонов А. 2003. Преступное сообщество (преступная организация): понятие, признаки и проблемы квалификации // Рос. юстиция. № 11. С. 52.

Мордовец А. 2001. Преступное сообщество: уточнение условий ответственности // Законность. № 9. С. 41-42.

Мохов Е.А. 2006. ФСБ: борьба с организованной преступностью. М. : Вуз. кн. 316 с.

Николенко Т.А. 2011. Конвенционные положения о противодействии коррупции в российском уголовном законодательстве // Законность. № 3. С. 24-28.

Олейник А.Н. 2001. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М. : Инфра-М. 430 с.

Осипкин В.Н. 1998. Организованная преступность. СПб. : Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ. 140 с.

Покаместов А.В. 2012. Ответственность за организацию преступной деятельности. М. : Изд-во ВНИИ МВД РФ. 128 с.

Репецкая А.Л. 2015. Транснациональная организованная преступность. Иркутск : Изд-во Байкал. гос. ун-та экономики и права. 490 с.

Ростокинский А.В. 2011. Субкультурный конфликт плюс организованная преступность равно организованная преступность плюс экстремизм (опыт десятилетних наблюдений). Саратов : Сарат. источник. 454 с.

Сулейманов А.Л. 2009. К вопросу о некоторых направлениях транснациональной преступности // «Черные дыры» в российском законодательстве. № 1. С. 148-150.

Терешенок А.Я., Подлесских Г.Ю. 1995. Воры в законе: бросок к власти. М. : Худож. лит. 254 с.

Федорчук В.В. 1984. Укрепление правопорядка – наша общая задача // Полит. самообразование. № 6. С. 28-33.

Шеслер А.В. 2006. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права. 152 с.

Bondenson U. 2013. Prisoners in Prison Societies. New Brunswick : Transaction Publishers. 371 p.

Christie N. 1997. Conflicts as Property // British J. of Criminology. Vol. 17. P. 1-26.

Currie E. 2013. Crime and Punishment in America. New York : Picador. 288 p.

- Erikson K. 2005. *Wayward Puritans: A Study in the Sociology of Deviance*. Bloomington : Allyn and Bacon. 250 p.
- Frey R.G. 1984. *Utility and Rights*. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press. 256 p.
- Johnson R., Toch H. 2015. *Crime and Punishment: Inside Views*. Los Angeles : Roxbury Pub Co. 246 p.
- Lippens R. 2010. *The Interstitial and Creativity: Bergson and Fitzpatric on the Emergence of Law* // J. of Theoretical and Philosophical Criminology. Vol. 2. P. 1-21.
- McCloskey H.J. 1965. *A Non-Utilitarian Approach to Punishment* // Inquiry. Vol. 8. P. 249-263.
- Moynihan D.P. 1993. *Defining Deviancy Down* // The American Scholar. Vol. 62, № 1. P. 17-30.
- Neier A. 1976. *Crime and Punishment: A Radical Solution*. New York : Stein and Day. 239 p.
- Rawls J.A. 1991. *Theory of Justice*. Cambridge : Harvard Univ. Press. 607 p.
- Shlapp M., Smith E. 1928. *The New Criminology. A Consideration of Criminal Causation of Abnormal Behavior*. New York : Boni and Liveright. 272 p.
- Stanley D.T. 2015. *Prisoners Among Us: The Problem of Parole*. Washington : Brookings Institution. 222 p.
- Weyland K. 1998. *The Politics of Corruption in Latin America* // J. of Democracy. Vol. 2. P. 108-121.
- Zamble E., Porporino F.J. 2008. *Coping, Behavior and Adaptation in Prison Inmates*. New York : Springer-Verlag. 204 p.

Korsakov, K. *Kriminologicheskiy i ugovolno-pravovoy analiz sovremennoy organizovannoy prestupnosti* [Criminological and criminal-legal analysis of contemporary organized crime], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 67-84. (in Russ.).

Konstantin V. Korsakov, Candidate of Law, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: korsakovekb@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0002-5136-562X

Article received 27.01.2017, accepted 01.03.2017, available online 01.10.2017.

CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL-LEGAL ANALYSIS OF CONTEMPORARY ORGANIZED CRIME

Abstract. The article deals with diverse juridical and criminological characteristic of contemporary organized crime as one of the most socially dangerous and destructive phenomenon of our time. The author provides information about the history of organized crime in Russia, the main characteristics, qualitative and quantitative parameters of modern organized crime, recent changes of its level, dynamics, structure, and latency; he indicates the prevailing causes, conditions and prerequisites for the spread of organized crime. The article describes the main characteristics of organized criminal groups and criminal communities (criminal organizations). In addition, the article highlights and describes in detail the most destructive tendencies and prospects of development of organized crime at

the present stage: focus on the implementation of the representatives of organized criminal associations into governmental institutions, law enforcement and regulatory powers; further expansion of corrupt relations, and the system of bribery of officials; establishment of control over the economic activities of large domestic enterprises; redistribution of property; yield on the transnational level, and hijacking of the business through raiding. The author argues for the need of re-establishment of specialized units combating organized crime in the structure of the bodies of internal affairs of the Russian Federation.

Keywords: organized crime; mafia; criminal behavior prevention; transnational crime; law enforcement; causes and conditions of crime; dynamics of crime in Russia; tendencies of development of crime; fight against crime.

References

Anisimkov V.M. *Tyur'ma i ee zakony* [The prison and its laws], Saratov, Izd-vo Sarat. gos. akad. prava, 1998, 103 p. (in Russ.).

Barbashina N.L. *Organizovannaya prestupnost' i banditizm v stranakh SNG* [Organized crime and banditry in the CIS countries], Minsk, Izd-vo Belorus. gos. un-ta, 2015, 208 p. (in Russ.).

Bojcov L.N., Gontar I.Y. *Ugolovno-pravovaya bor'ba s organizovannoy prestupnost'yu: illyuzii, real'nost' i vozmozhnaya al'ternativa* [Criminal law against organized crime: illusion, reality and a possible alternative], *Gosudarstvo i pravo*, 2000, no. 11, pp. 35-43. (in Russ.).

Bondenson U. *Prisoners in Prison Societies*, New Brunswick, Transaction Publishers, 2013, 371 p.

Brilliantov A.V. *Organizatsiya nezakonnoy migratsii* [Organization of illegal migration], *Ros. sledovatel'*, 2005, no. 5, pp. 48-50. (in Russ.).

Christie N. Conflicts as Property, *British J. of Criminology*, 1997, vol. 17, pp. 1-26.

Currie E. *Crime and Punishment in America*, New York, Picador, 2013, 288 p.

Dolgova A.I. *Kriminologicheskie otsenki organizovannoy prestupnosti i korruptsii, pravovye batalii i natsional'naya bezopasnost'* [Criminological assessment of organized crime and corruption, legal battles and national security], Moscow, Ros. kriminolog. assotsiatsiya, 2011, 668 p. (in Russ.).

Eleskin M.V. *O prestupnom soobshchestve «vorov v zakone» (kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti «vora v zakone» i prestupnogo soobshchestva «vorov v zakone»)* [On the criminal community of «thieves in law» (criminological characteristics of the personality «thief in law» and the criminal community of «thieves in law»)], *Sledovatel'*, 2001, no. 5, pp. 35-41. (in Russ.).

Erikson K. *Wayward Puritans: A Study in the Sociology of Deviance*, Bloomington, Allyn and Bacon, 2005, 250 p.

Fedorchuk V.V. *Ukreplenie pravoporyadka – nasha obshchaya zadacha* [Strengthening the rule of law – our common task], *Polit. samoobrazovanie*, 1984, no. 6, pp. 28-33. (in Russ.).

Frey R.G. *Utility and Rights*, Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1984, 256 p.

Gauhman L.D., Maksimov S.V. *Ugolvnaya otvetstvennost' za organizatsiyu prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii)* [Criminal liability for organization of a criminal community (criminal organization)], Moscow, YurInfoR, 1997, 127 p. (in Russ.).

Groshev A.V. *Otvetstvennost' za organizatsiyu prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii): voprosy kriminalizatsii i pravoprimeneniya* [Responsibility for the organization of a criminal community (criminal organization): criminalization and law enforcement], *Ugolovnoe pravo*, 2004, no. 3, pp. 26-28. (in Russ.).

- Gurov A.I. *Krasnaya mafiya* [Red mafia], Moscow, Vestnik, 1995, 352 p. (in Russ.).
- Johnson R., Toch H. *Crime and Punishment: Inside Views*, Los Angeles, Roxbury Pub Co, 2015, 246 p.
- Korsakov K.V. *Adekvatnost' i sorazmernost' preventsii – zalog effektivnosti bor'by s sovremennoy organizovannoy prestupnost'yu* [The adequacy and proportionality of prevention – the key to the effectiveness of the fight against modern organized crime], *Pravohranitel'nye organy: teoriya i praktika*, 2015, no. 1, pp. 19-22. (in Russ.).
- Kozachenko I.Y., Korsakov K.V. *Kriminologiya* [Criminology], Moscow, Norma, Infra-M, 2011, 304 p. (in Russ.).
- Kuzmichev A.G. *Problemy rassledovaniya prestupleniy, sovershennykh molodezhnymi organizovannymi gruppirovkami* [Problems of investigation of crimes committed by youth organized groups], *Sledovatel'*, 2008, no. 11, pp. 19-23. (in Russ.).
- Lippens R. The Interstitial and Creativity: Bergson and Fitzpatric on the Emergence of Law, *J. of Theoretical and Philosophical Criminology*, 2010, vol. 2, pp. 1-21.
- Luneev V.V. *Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendentsii* [Crime of the twentieth century: global, regional and Russian trends], Moscow, Volters Kluver, 2005, 912 p. (in Russ.).
- McCloskey H.J. A Non-Utilitarian Approach to Punishment, *Inquiry*, 1965, vol. 8, pp. 249-263.
- Mohov E.A. *FSB: bor'ba s organizovannoy prestupnost'yu* [The FSS: the fight against organized crime], Moscow, Vuz. kn., 2006, 316 p. (in Russ.).
- Mondohonov A. *Prestupnoe soobshchestvo (prestupnaya organizatsiya): ponyatie, priznaki i problemy kvalifikatsii* [Criminal community (criminal organization): the concept, characteristics and problems of qualification], *Ros. yustitsiya*, 2003, no. 11, p. 52. (in Russ.).
- Mordovets A. *Prestupnoe soobshchestvo: utochnenie usloviy otvetstvennosti* [The criminal community: specify the conditions of responsibility], *Zakonnost'*, 2001, no. 9, pp. 41-42. (in Russ.).
- Moynihan D.P. Defining Deviancy Down, *The American Scholar*, 1933, vol. 62, no. 1, pp. 17-30.
- Neier A. *Crime and Punishment: A Radical Solution*, New York, Stein and Day, 1976, 239 p.
- Nikolenko T.A. *Konventsionnye polozheniya o protivodeystvii korruptsii v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve* [The convention's provisions on combating corruption in the Russian criminal law], *Zakonnost'*, 2011, no. 3, pp. 24-28. (in Russ.).
- Olejnik A.N. *Tyuremnaya subkul'turav Rossii: ot povsednevnoy zhizni dogosudarstvennoy vlasti* [Prison subculture in Russia: from everyday life to public authorities], Moscow, Infra-M, 2001, 430 p. (in Russ.).
- Osipkin V.N. *Organizovannaya prestupnost'* [Organized crime], St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburg. yurid. in-ta General'noy prokuratury RF, 1998, 140 p. (in Russ.).
- Pokamestov A.V. *Otvetstvennost' za organizatsiyu prestupnoy deyatel'nosti* [Responsibility for the organization of criminal activity], Moscow, Izd-vo VNII MVD RF, 2012, 128 p. (in Russ.).
- Rawls J.A. *Theory of Justice*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 1991, 607 p.
- Repetskaya A.L. *Transnacional'naya organizovannaya prestupnost'* [Transnational organized crime], Irkutsk, Izd-vo Bayka. gos. un-ta ekonomiki i prava, 2015, 490 p. (in Russ.).
- Rostokinskiy A.V. *Subkul'turnyy konflikt plyus organizovannaya prestupnost' ravno organizovannaya prestupnost' plyus ekstremizm (opyt desyatiletnikh nablyudeniy)* [Subcultural conflict plus organized crime is still organized crime plus extremism (experience ten years of observations)], Saratov, Sarat. istochnik, 2011, 454 p. (in Russ.).

Shesler A.V. *Gruppovaya prestupnost': kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty* [Group crime: criminological and criminal law aspects], Saratov, Izd-vo Sarat. gos. akad. prava, 2006, 152 p. (in Russ.).

Shlapp M., Smith E. *The New Criminology. A Consideration of Criminal Causation of Abnormal Behavior*, New York, Boni and Liveright, 1928, 272 p.

Stanley D.T. *Prisoners Among Us: The Problem of Parole*, Washington, Brookings Institution, 2015, 222 p.

Suleymanov A.L. *Kvoprosu o nekotorykh napravleniyakh transnatsional'noy prestupnosti* [On some areas of transnational crime], «*Chernye dyry*» v rossiyskom zakonodatel'stve, 2009, no. 1, pp. 148-150. (in Russ.).

Tereshenok A.Y., Podlesskikh G.J. *Vory v zakone: broсок k vlasti* [Thieves-in-law: throw to the power], Moscow, Khudozh. lit., 1995, 254 p. (in Russ.).

Van-Kan J. *Ekonomicheskie faktory prestupnosti* [Economic factors of crime], Moscow, Izd-vo G.A. Leman, 1915, 336 p. (in Russ.).

Volkonskiy V.I. *Bor'ba s organizovannoy prestupnost'yu v ekonomicheskoy sfere* [The fight against organized crime in the economic sphere], Moscow, Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 2014, 215 p. (in Russ.).

Weyland K. The Politics of Corruption in Latin America, *J. of Democracy*, 1998, vol. 2, pp. 108-121.

Zamble E., Porporino F.J. *Coping, Behavior and Adaptation in Prison Inmates*, New York, Springer-Verlag, 2008, 204 p.